

Калмыкова И.В., Мартинкус П.П.
**ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАСТЫРЯ: АНАЛИЗ ВЛАСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ
С.Н. БУЛГАКОВА (1903-1917 гг.)**

Одной из основных проблем русской общественной мысли конца XIX – начала XX века была проблема политической власти. Спектр ее решения был очень широк: от признания монархической единоличной власти, как единственно возможной и необходимой для России, до отрицания любой формы власти. Размышления о природе и формах политической власти, особенно после революции 1905 – 1907 гг., присутствует и в работах представителей либерального крыла русской общественной мысли, к которой обычно относят и творчество С.Н. Булгакова¹. В данной статье мы попытаемся показать, что такое включение Булгакова в либерализм (даже консервативного толка) соответствует его умонастроениям лишь частично и только на определенном (и очень ограниченном) этапе его творческого пути.

Сразу необходимо обратить внимание на то, что проблема власти воспринималась С.Н. Булгаковым через призму христианства и что, говоря о власти, он, как правило, говорит о формах осуществления власти, ставя знак равенства между властью, государством и правом (за исключением власти Церкви). В этом смысле государственная власть существует не как "идея", как Власть Государства, а только как практика принуждения (в частности, юридического) к совместному общежитию, и, в конечном счете, к добру. Собственно с этого антиплатонического common sense и начался булгаковский анализ власти, но это не значит, что он от него не ушел в дальнейшем.

Одним из первых обращений С.Н. Булгакова к проблематике власти стала статья 1903 г. "О социальном идеале", где он исходит из аксиомы: "Человек должен быть свободен потому, что это соответствует его человеческому достоинству». Из этого следует, что в основу государственной, экономической, социальной политики должна быть положена идея свободы и прав человеческой личности.² Но свобода одного, как отлично понимал Булгаков, предполагает несвободу другого, поэтому возникал вопрос о возможности такого взаимодействия людей, которые реализовывали бы оба принципа - свободу себя и свободу другого. Решение этого вопроса позволяло обосновать власть как некоторый вид "естественной" зависимости человека от человека. В этом смысле принудительная сила власти была бы смягчена способом и целью принуждения, в соответствии с которыми её невозможно было бы даже назвать "принуждением".

¹ См: Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России. М., 1995., Смирнов И.П. «От марксизма к идеализму»: М.И. Туган-Барановский, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев. М., 1995.

² Булгаков С.Н. О социальном идеале // Вопросы Философии и Психологии. 1903. № III (68). С.299.

В результате Булгаков достаточно традиционно для того времени, и даже в стиле гегельянства, решает поставленный вопрос. Он различает зависимость двух видов: внутреннюю или свободную, например, учитель – ученик, отец – сын, и внешнюю или принудительную, например государственные и экономические союзы. Но власть государства не представляется Булгакову принуждением в том случае, если государственные требования совпадают с нравственным чувством человека, как, например, запрет красть и убивать. Когда же такого совпадения нет, эти ограничения воспринимаются как политический гнет, например, ограничения свободы личности, совести, слова и т.д. Поэтому идеал политической свободы заключается не в «уничтожении государства...», а в преобразовании его в соответствии с требованиями нравственного сознания».¹ Но это значит, что невозможно обожествление государственной власти, т.к. нравственность (выраженная в христианстве) выше любой власти. Потому христианство никогда и не склонялось к такому обожествлению².

Уже сказанное свидетельствует о том, что С. Булгаков не вполне либерал. Конечно, либерализм всегда начинается со свободы индивида и всегда заканчивает средствами для её осуществления, но он никогда не предлагает в качестве такого средства некоторого рода нравственный посыл. Основная идея либерализма - не *как* управлять, а как "*управлять не слишком много*". Как сделать так, чтобы человек сам мог реализовать свою свободу, как создать для этого необходимые и достаточные условия. Не освободить человека, а только дать возможность быть свободным. Воспользуется ли хоть кто-нибудь этой свободой, либерала в целом не интересует, хотя и предполагается, что частный интерес заставит его воспользоваться, что приведет с помощью "невидимой руки" к общему благу. С.Н. Булгаков же ставит проблему, как мы видим, совершенно иначе - как сделать так, чтобы государство "освободило" людей. Мы покажем далее, что именно эта интенция на нравственное освобождение увела Булгакова еще дальше от традиционного либерального понимания власти как того, что, по сути, должно доказать свою необходимость для общества, или как того правового режима, который исходит из воли народа. Но сначала, Булгаков движется, как кажется, по направлению к "нормальному" варианту либерализма.

События 1905 г. дали С.Н. Булгакову новый материал для размышлений над проблемой власти, что отразилось в его статьях в журнале «Вопросы жизни». Прежде всего, ждал разрешения вопрос о самодержавной власти, выдвинутый революцией. Булгаков выступил непримиримым противником самодержавия: «Вместо деспотического

¹ Булгаков С.Н. О социальном идеале // Там же, С. 304.

² Булгаков С.Н. Что дает современному сознанию философия Владимира Соловьева /// Вопросы Философии и Психологии. 1903. № II (67). С. 156.

автократизма татарско-турецкого типа... необходимо установление федеративной демократической республики».¹ Не признавая царской власти, С.Н. Булгаков вновь отмечает необходимость власти государства, оговаривая при этом, что нормальным государством является правовое. Его понимание правового государства по существу соответствует программе партии конституционных демократов.²

В своих статьях этого времени он последовательно показывает разрыв между религиозностью и правом, т.к. государство, с точки зрения христианства, не является абсолютным, а идеал христианства – свободный союз людей, объединенных любовью к церкви, теократический анархизм, т.е. безвластие.³ В результате оказывается, что «власть не религиозна по своей природе, ни одно право не может быть так свято охраняемо, как право критики существующих политических форм».⁴ В этом смысле, мысль о нерелигиозности власти была для С.Н. Булгакова принципиальна потому, что таким образом он получал возможность для ее критики.

В 1906 г. он возвращается к этой же теме, подчеркивая, что власть существовала раньше христианства и возможна вне его. Она есть «светское учение». Здесь акцент ставится именно на светскости власти, на том, что она призвана служить благу общества вне зависимости от форм ее существования. Причем власти должны быть присущи принцип права и чувство ее законности, если она попирает этот принцип, то оправдан государственный переворот, осуществленный не во имя отрицания, а ради установления истинной власти.⁵ Кажется, это единственное место, где он оправдывает революцию в стиле Руссо, примыкая таким образом к революционному (французскому) варианту либерализма. Из этого становится ясно, что английский вариант радикального либерализма (как расчет полезности государственных действий) был для Булгакова неприемлем именно потому, что сам он акцентирует внимание на праве и его источнике, т.е. ставит вопрос о юридической легитимации власти, исходя из индивидуального права на свободу.

Участие во II Государственной Думе высветило для Булгакова новые оттенки проблемы власти. Избранный депутатом от Орловской губернии как беспартийный "христианский социалист", за четыре месяца её работы он девять раз подымался на ораторскую трибуну.⁶ Основные его идеи, касающиеся этого вопроса, можно свести к следующему: власть не есть только формальное начало, но и моральное; если она идет вразрез с

¹ Булгаков С.Н. Неотложная задача (о Союзе христианской политики) // В сб.: Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России. – Новосибирск, 1991, С. 33.

² См.: Христианский социализм, С. 55-56.

³ Булгаков С.Н. Неотложная задача, С. 32-33.

⁴ Булгаков С.Н. Религиозно-общественная хроника, // Вопросы жизни, 1905, №4-5. С. 500.

⁵ Булгаков С.Н. Церковь и государство, С. 64-71.

⁶ См. подробнее: Крупнова Т.С. С.Н. Булгаков во Второй Государственной Думе. // Вестник Московского университета. Сер.8 История. 2008. № 4. С. 46-55.

совестью русского общества, то она разрушает единство между собой и обществом, что представляет политическую, национальную и гражданскую опасность; власть сошла с пьедестала власти, т.е. стала партийной, вместо того, чтобы быть арбитром в обществе; власть должна войти в соприкосновение с народом, заслужить его доверие.

Но и в момент наибольшей близости к либерализму (причем в революционном варианте) в 1905-1907 гг. Булгаков настойчиво развивает мысль о соотношении права и нравственности. Такой ход мысли для либерализма совершенно не характерен, можно даже сказать, принципиально с ним несовместим. Западноевропейский (французский и английский) либерализм XIX - XX вв. соотносил право не с нравственностью, а с естественными правами людей, которые с помощью права надо защищать (руссоизм), или с практической полезностью (утилитаристы). Это значит, что и те, и другие исходили не из "нравственного" субъекта, а из homo oeconomicus, морального¹ только в том смысле, что его деятельность ведет к общему благу независимо от его желания. Булгаков же настаивает, что прогресс права должен состоять в том, чтобы оно все больше осуществляло в себе «веления нравственности». Нравственность, коренящаяся в религии, абсолютна и самоценна, а право – относительно, но необходимо, как корректив к человеческому эгоизму.² Либералы не могут так думать, т.к. для них закон самоценен либо как результат воления народа, устанавливающий право произвольно, либо как условие и результат осуществления сделок.

Нам, конечно, доподлинно неизвестно, каковы причины того, что в 1909 г. мы видим радикальное изменение взглядов С.Н. Булгакова, связанного с идеей священной царской власти, после его случайной встречи с Николаем II в Ялте. Сам Булгаков говорит о мгновенном перерождении, когда он почувствовал, что «царь несет свою власть, как крест Христов»³. Здесь, конечно, сыграл свою роль пережитой политической опыт 1905 - 1907 гг., может быть личное несчастье (смерть сына), но вряд ли только эти личные обстоятельства жизни являются причинами столь стремительного поворота. Мы и пытались показать, что Булгаков уже интеллектуально готов к такому изменению своих взглядов, т.к. изменения всего лишь кажутся (в том числе ему самому) радикальными. Именно в обращении к нравственности как объективному оправданию права, с нашей точки зрения, присутствует тот момент, из которого возникает мысль о мистической сущности царской власти, власти Божьей милостью, в отличие от народного произвола и, соответственно, полный разрыв с либерализмом.

¹ См., например, обоснование морали Д. Юмом или А. Смитом.

² Булгаков С.Н. Религиозно-общественная хроника // Вопросы жизни, 1905, №4-5, С. 494 - 495.

³ Булгаков С.Н. Пять лет(1917-1922). / Булгаков С.Н. Тихие думы. М., 1996. С. 337.

Этот поворот, конечно, не значит, что С.Н. Булгаков поправел, в смысле черносотенства. А его мистический опыт царской власти не препятствует осознанию слабости Николая II, потому что Булгаков видит, что самодержец действует не как царь, а как «полицейский самодержавец».¹ Находясь уже в изгнании, в Константинополе (1923) о.Сергий читает "Воспоминания С.Ю. Витте" и "Переписку Николая и Александры Романовых" и приходит к еще более неутешительным выводам: "Выхода не было: революция была неизбежна"² Но принцип ("идея") Государства для Булгакова стала важнее этих партикулярий, т.к. обоснование власти с помощью нравственности ставило существенный вопрос об обосновании самой нравственности, т.е. о её произвольном характере. Понятно, что такая объективация морали требует обращения к религии, именно в этой связи сама по себе нравственность исчезает из творчества Булгакова, но на смену ей приходит христианство. И в некоторый момент интеллектуальной биографии даже вне отношения к конфессиональной принадлежности.

Отметим те идеи, которые легли в основу оформившегося к 1917 г. булгаковского понимания власти.

В 1909 г. появился ряд статей С.Н. Булгакова о первохристианах. Прежде всего, его интересовало их отношение к власти и государству. Исторический опыт раннехристианских общин еще раз убедил Булгакова в необходимости постепенной перестройки существующего порядка, но ни в коем случае не в его сломе. Именно в это время меняется взгляд Булгакова на сущность власти. В 1910 г. он уже однозначно заявляет: «Государство или власть содержит в себе самостоятельное мистическое начало, власть есть как воля к власти и способность к повиновению в человеке».³ Государство существует внутри человека и только поэтому оно есть во вне. Без этого, считает Булгаков, существование власти было бы непостижимым чудом. Поэтому антиисторично рассматривать государство, как созданное для определенной цели средство по общественному договору. Государства создаются, «самоутверждаются национальностями, ищущими самостоятельного исторического бытия»⁴, они суть политическое тело народа.

С начала I Мировой войны Булгаков окончательно формирует идею Белого царя. Ему кажется, что, наконец, «наступило для России спасительное единение царской власти и народа»⁵. Однако с продолжением войны эта иллюзия рушится. В письме к А.С. Глинке (Волжскому) от 11 октября 1915 года он пишет: «Война не только становится все труднее, но и вошла уже в такой фазис, когда к ней

¹ Там же, С. 338.

² Там же. С. 375

³ Булгаков С.Н. Размышление о национальности // В сб.: Христианский социализм, С. 185.

⁴ Там же.

⁵ Булгаков С.Н. Родине // Утро России. 1914. №185 (5 августа), С. 1.

привыкли, и она перестала оказывать то оздоравливающее влияние на души, какое имела в начале... Одним из крупнейших фактов является дезорганизация и деморализация власти и – увы ! - падение, кажется, почти окончательное, престижа монархии, в котором виноват в данном случае никто иной как ее глава. Эсхатологически приемлемо и это, но исторически и психологически очень трудно мириться. Не подумайте, что во мне говорит истерическая впечатлительность, скорее наоборот, слабость чувства влечет меня надеяться, а разум велит считать эту ставку проигранной»¹. В 1917 г. в книге «Свет Невечерний» С.Н. Булгаков подвел итоги многолетним размышлениям над проблемой власти, которые можно свести в систему: сущность, форма и задачи власти.

Во-первых, сущность власти: власть не создается, но возникает, не рождается, а только осуществляется. Власти присущ мистический ореол: «Власть двойственна по природе, она знает активное и пассивное начало, слагается из властвования и подчинения, причем и то и другое в основе своей имеет иррациональный и мистический характер. Власть, сознающая себя законной ..., ощущает в себе волю, право и силу повелевать... без рассуждений или рефлексии; равно и лояльное повиновение должно быть не рассудочным, но непосредственным... слепым. Таков инстинкт власти, первоначальный и темный. Область утилитарно рассудочная, как ни велико ее значение в жизни власти, все-таки не является для нее решающим»². Власть зарождается в недрах народной души, она присуща не отдельным лицам – носителям власти, но всему человечеству. Власть состоит в могуществе, в способности к неизменному выполнению воли. Власть ограничена фактическими рамками своего появления.

Думаем, вовсе не случайно, что это размышление напоминает эссе Адама Фергюсона³. Последний показывает, что бесполезно спрашивать о не-обществе, т.е. об истоках общественной жизни. Нет такой человеческой природы, которая не была бы общественной, в этом смысле социальная связь изначальна. Но это значит, что и власть (которая есть связь между индивидами, каждый из которых занимает свое собственное место: одни размышляют, другие подчиняются) существует до права. Юридическая структура власти оформляется всегда задним числом, что отменяет договорную теорию образования общественного состояния. Но так как речь у Фергюсона идет о *homo oeconomicus*, то вечное равновесие власти здесь невозможно (т.к. эмоциональные связи разрушаются эгоистическим интересом), а потому спонтанное созидание власти эквивалентно спонтанному её разрушению. Фергюсон из этого делал вывод о прогрессивном преодолении такого саморазрушения в истории, но

¹ Цит по: Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках С.А. Аскольдова, Н.А.Бердяева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрн и др. М., 1997. С. 653.

² Булгаков С.Н. Свет Невечерний. Созерцание и умозрение. М., 1994, С. 337.

³ Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. - М., 2001.

Булгаков понимает невозможность преодоления разрушительного начала на своей собственной основе. Поэтому необходимо, чтобы власть имела не только человеческий, но и божественный характер. Тем самым С.Н. Булгаков формулирует "средневековую" модель соответствия власти божественному образцу. Это подтверждается анализом формы власти.

Во-вторых, формой власти является государство. Истинная власть принадлежит Богу, земная власть – лишь символ божественной. Вне зависимости от формы государство должно быть правовым. Право – энергия власти. Необходимо осознание властью своей легитимности для осуществления способности повелевать. Христианство не признает слепого повиновения земной власти и не устраняет лояльной оппозиции. Государство не должно отождествляться с Церковью. Земной царь призван стремиться к достижению образа Белого царя, призванного осуществить Царство Божие на земле, в котором власть меча заменяется властью любви.

Можно предположить, что, осуществляя ограничение земной власти правом, Булгаков в этом принципиальном моменте остается в либеральном русле. Однако это вовсе не так. Там, где есть либеральное право, как бентамовская калькуляция, не может быть любви. Власть - это то, что совершает "постоянный государственный переворот", устанавливая в том числе и "право права". Власть в этом смысле проявляет волю - она выше права даже когда его устанавливает. Поэтому право не означает постоянства и ограниченности власти - оно означает её произвольность. Но отсюда следует, что власть самодержавного царя трансцендентна миру. Французские физиократы XVIII в., сторонники полицейского (в смысле "хорошо устроенного") государства, очень точно уловили эту мысль в своем оправдании абсолютизма. Но именно такого понимания земной власти как божественной (даже по форме) хотел бы избежать Булгаков, при том, что он не может избежать произвольности власти. В результате он вводит инстанцию ограничения земной власти - теократию.

В этой связи, *в-третьих*, задача власти есть "стремление к преодолению власти, не безвластию, но сверхвластию – теократии: земная власть должна бороться с внутренним злом, служить народу»¹. Даже свержение самодержавия не изменило этого взгляда Булгакова, т.к. события мирового масштаба (даже апокалиптические) не имеют никакого значения для проблемы власти и религиозных её перспектив, тем более, что "давно уже приходилось считаться с тяжелой болезнью русского самодержавия и перспективой возможного его исчезновения с исторического горизонта"².

Но что значит такая цель власти - стремление к сверхвластию и одновременно к религиозному служению? Ни либеральный, ни

¹ Булгаков С.Н. Свет Невечерний, С. 338 – 339.

² Там же, С. 344.

"полицейский" подходы не могут объяснить этого весьма странного сочетания. Первый потому, что либерализм никогда не предполагал искать свое собственное основание в каком бы то ни было служении, тем более религиозном, и никогда не ставил вопрос о сверхвласти. Второй потому, что, стремясь к сверхвласти, абсолютизм не рассматривал её как инструмент служения. Мы полагаем, что эти две новоевропейские матрицы понимания властных отношений совершенно не подходят к анализу власти, предложенному С.Н. Булгаковым, о чем он сам, пожалуй, недвусмысленно говорит, когда предлагает посмотреть на власть в её человеческом образе, в "её природной звериности"¹.

Лучше власть у Булгакова вписывается не в новоевропейский, а в христианский (восточный и западный) контекст - власть как папство². Лучше, прежде всего, потому, что папство связывало людей в организованные формы общности³, тогда как новоевропейская традиция исходила исключительно из людей-атомов. Кроме того, либерализм никогда не предлагал управлять людьми, он всегда управлял ситуациями, т.к. люди должны сами управлять собой. Абсолютные монархи тоже не управляли людьми - они управляли ими только в связи с тем, что те оказались на определенной территории. Только папа управлял собственно людьми, так же, как пастух управляет стадом. При этом заметим, что это управление осуществляется над перемещающимся множеством ("национальностями, ищущими самостоятельного исторического бытия"?), а не над сингулярностями типа территории или свободы. Кроме того, такое папство всегда благотельно, ведь благо стада (его религиозное спасение) - это единственная функция папы, а значит, власть папы выражается скорее в долге, а не только в силе. При этом долг не является внешним к "подданным" - он заключен в них самих. Поэтому власть папы, его ответственность направлена на всех и каждого в отдельности, что значит, с одной стороны, что можно принести в жертву кого-то ради всех, но, с другой, пожертвовать всеми ради одного. Будучи ответственным за каждого, папа должен переживать все, что случается с его подопечными, как личное и мог бы умереть за них и вместо них. Впрочем, папство не означает безгрешность папы, просто он должен знать и не скрывать своих недостатков.

Понятно, что в ветхозаветной традиции был один пастух - Бог. Но христианская католическая традиция сделала модель папства основной для отношений на всех уровнях человеческого общества. Папство стало фундаментальным фактом власти, прежде всего власти Церкви в её связи со светской властью. И если в 1917 г. Булгаков рассматривает как

¹ Там же, С. 343.

² Правило папское, или О папском служении [св. Григория Великого - Двоеслова] /Пер. Д. Подгурского. - Киев, 1872.

³ Булгаков С.Н. Свет Невечерний, С. 335.

приемлемый только вариант восточной церкви, наиболее близкий к пастырству, изложенному в Ветхом Завете, то в диалоге 1922 г.¹ он уже (впрочем, ненадолго) склоняется к пастырству в его католическом ключе, т.е. оправдывает притязания "папизма" на светскую власть (в 1917 г. для него это было совершенно неприемлемо²). Собственно, если мы не будем рассматривать его "прозрение" теократической власти именно в рамках христианской матрицы пастырства, то этот переход к "папизму" (как и "отскок" обратно) будет совершенно непонятен. В связи же с пастырством такие переходы вполне ясны - речь идет только о том, кто может и должен осуществлять пастырскую власть и в каких условиях и формах её вообще возможно осуществить.

Итак, анализ власти, предпринятый С.Н. Булгаковым в 1903 - 1917 гг., не является "новым", не является он и "современным" (новоевропейским), это анализ-возвращение к христианскому концепту "власть как пастырство". И хотя сам Булгаков не пользуется даже словом "пастырство", он, как мы думаем, выводит на свет этот концепт для того, чтобы показать невозможность решить проблему "благодетельной" (и тем более эсхатологической) власти в рамках "новых" теорий: прежде всего либерализма, который постепенно становится интеллектуально невыносим для него в силу своей механистичности, секулярности и обращению не к народу, а исключительно к индивидууму.

Скороходова С. И.

ПРОБЛЕМА «ВЛАСТИ» В ИСТОРИОСОФИИ Ю.Ф. САМАРИНА И С. Н. БУЛГАКОВА

У С. Н. Булгакова и славянофилов много тем и понятий, которые раскрыты очень созвучно. Например, темы «жизни», «смерти», «общечеловеческого» и «национального», «христианской свободы», творчества, мессианского смысла русской идеи, аскетизма как необходимого условия духовного здоровья и пр. В письме С. Н. Булгакова Ф. Д. Самарину от 5 сентября 1909 года, сохранившемся в архиве, говорится о согласии Булгакова со славянофилами в вопросах религии. Это позволяет говорить о развитии в философии Булгакова основных проблем, поставленных славянофильской мыслью, применительно к эпохе начала XX века. Таким образом, проблема власти – только одна из тем в общем контексте размышлений славянофилов и Булгакова о судьбе России и мира.

Впервые вопрос о власти в творчестве славянофилов был остро поставлен в работе Ю. Ф. Самарина «Князь», которую автор, впрочем, так

¹ Булгаков С У стен Херсониса. - СПб, 1993.

² Булгаков С.Н. Свет Невечерний, С. 340-341.